

Евхаристия и освобождение

[Георгий \(Ходр\), митрополит Гор Ливанских](#)

Митрополит Георгий (Ходр) - один из старейших архиереев Антиохийской Православной Церкви. Он известен как активный проповедник, чьи работы опубликованы на арабском, французском, английском и других языках. Здесь предложена, с небольшими сокращениями, его статья, посвященная значению таинства Евхаристии в жизни православного христианина. Кроме того, в ней излагается взгляд митрополита Георгия на то, каким должно быть отношение православного христианина к частной собственности, политике, культуре, социальной несправедливости; наконец, автор рассказывает и о некоторых особенностях внутренней жизни в современной Антиохийской Православной Церкви.

Есть ли некое родство или связь между Евхаристией и стремлением к свободе - в социополитическом смысле? Вот тема этих размышлений.

Литургическое собрание делает нас телом Христовым, невестой Господа

Мы далеки от времен, когда говорилось о "плодах Причащения" в личностном аспекте - о возрастании набожности, очищении, когда средоточием таинства был индивидуум, причащавшийся в Великий четверг то здесь, то там, без малейшего интереса к самой литургии... С развитием литургического богословия мы глубже осознали общинный аспект литургии, цель этого таинства, а именно формирование собрания верующих как тела Христова. В литургии образуется народ Божий, народ святой, как говорится в анафоре святителя Василия.

"Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое". Это благословение, подаваемое народу в конце литургии святителя Иоанна Златоуста, так же как и литургии святителя Василия Великого, по-видимому, означает, что верующие, разобщенные в течение всей недели, теперь объединены несомненно и явно в качестве народа Божиего или, если взять другой образ, в качестве Невесты Христовой.

Кровь Христа, пролитая единожды, раз и навсегда, потребляется в праздновании этого Божественного брака. Тело Господне, к которому принадлежат все верные, уничтожает все их различия и разногласия, делает их своим телом, поглощает их своим телом, "седающим одесную Отца". Святой Дух нисходит на собрание, и собрание преобразуется в Святом Духе. Приведенное здесь учение не добавляет ничего нового к тому, что сказал апостол Павел: "Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба" (1 Кор. 10: 17).

В таинстве крещения Церковью принимается отдельный человек. И когда, выходя из купели, так, как это происходило в древней Церкви и как мы продолжаем петь на литургии Великой субботы, он присоединяется к собранию, "облеченный во Христа" - "елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь" (Гал. 3: 27), - он интегрируется в Церковь в евхаристическом общении более глубоким и видимым образом.

Распределение материальных благ и преломление хлеба тесно связаны

То, что я только что сказал, подтверждается книгой Деяний, которая свидетельствует о христианах: "И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах" (Деян. 2: 42). Именно собрание является предметом этих четырех элементов деятельности в жизни верующих, и если выражение "братская общность" означает общее пользование имуществом верующих, то выражение "преломление хлеба", очевидно, обозначает евхаристический обряд. Мы находим здесь, что разделение поровну благ и преломление хлеба были тесно связаны. Разделение хлеба земного и хлеба небесного происходило в собрании и под руководством пастырей собрания...

Я не понимаю современную практику, сложившуюся в большинстве наших автокефальных Церквей, где некоторая часть верующих довольствуется тем, что смотрит на чашу, к ней не приближаясь, как если бы своей собственной властью они отлучали себя от единства верных или как если бы они возвращались в состояние оглашенных.

Я также не понимаю, как благотворительная деятельность в Церкви может осуществляться мирянами, которые крайне редко причащаются, из чего должно следовать, что они могут любить своих братьев, раздавая им материальные блага, независимо от принятия хлеба небесного, которого они себя лишают, за исключением, разве что, праздника Пасхи. Таким образом, милосердие становится чисто социальной деятельностью вместо того, чтобы быть выражением братской любви, имеющей своим источником святую чашу. В то же время этим воздержанием от Причащения дается понять, что тело и кровь Господа имеют отношение только к служащему священнику, тем самым неявно закрепляя разделение между лицами священного сана и не рукоположенными в сан христианами.

Для малого стада важно быть собранными "единодушно вместе" (Деян. 2: 1). Апостол Павел поясняет это: "Далее, вы собираетесь, так, что это не значит вкушать вечерю Господню" (1 Кор. 11: 20); он говорит об их разногласиях. Все сердца должны быть преобразены, чтобы составлять через тело и кровь единое собрание. Верующие становятся одним целым вследствие милосердия Божия, за которое благодарят, потребляя евхаристический хлеб. Именно евхаристическое собрание направляет свой путь к первому воскресению мертвых. Оно (собрание) в некотором роде уже есть новый Иерусалим, "приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего" (Откр. 21: 2).

Творение нового человечества

Верующие, преобразенные таинством, бодрствуют вместе, чтобы встретить второе пришествие Христа. Мы говорим об этом в конце литургии. Второе пришествие, которого мы ожидаем, реализует новое человечество, то, в котором, по выражению святого Максима Исповедника, обитает Дух Святой. Наша любовь к нехристианам призывает Дух и на них. И вот происходит встреча всех людей во Христе, и формируется окончательное собрание... Отец призывает, кого хочет, благодатью Святого Духа. Призванные станут все вместе Церковью, Супругой, "не имеющею пятна, или порока" (Еф. 5: 27).

Перед нами непостижимая тайна: каждый спасенный человек - "супруга". Но и объединенное пред лицом Отца человечество станет все целиком в любви, которая его объединяет, "женой". Здесь тайна различия и единения воскресших людей, принятых в Царство. Есть Небесная Евхаристия, о которой говорил Иисус, не имеющая знаков. Любовь не нуждается в каком-либо знаке. Но реальность, которая его содержит, образует собрание.

Переход от Евхаристии к свободе предопределяется самой Евхаристией

Переход от Евхаристии к свободе предопределяется самой Евхаристией. По словам святителя Иоанна Златоуста, существует истинный алтарь, на который верующие должны приносить духовную жертву милостины и сострадания... "Этот жертвенник страшнее и этого нового, а не только древнего жертвенника. Однако ж не смущайтесь. Этот (жертвенник) чуден по причине предлагаемой на нем жертвы, а тот (жертвенник милосердного) удивителен и потому, что сооружается из той самой жертвы, которая его освящает. Чуден опять этот (жертвенник) потому, что, будучи по природе камнем, делается святым, так как принимает тело Христово, а тот чуден потому, что сам есть тело Христово. Таким образом, страшнее этого жертвенника тот, пред которым предстоишь ты, брат мой" [1].

"Такой жертвенник ты можешь видеть везде - и на улицах, и на площадях, ежечасно можешь приносить на нем жертву, потому что и здесь освящается жертва. И как иудей предстоит (пред жертвенником), призывая Духа, так и ты призываешь Духа, только не

словами, а делами. Ничто так не поддерживает и не возжигает огонь Духа, как этот елей, обильно изливаемый"[2].

Защиту бедняков нельзя совмещать с какой-либо идеологией

Следуя в своих рассуждениях Евангелию о суде Божиим (см.: Мф. 25: 31-46), Иоанн Златоуст умышленно отождествляет самого Христа с бедняком, нагим и странником, с узником в темнице, с изнуренным страдальцем. Сочувствие гонимым, больным и беднякам берет свое начало во Христе и потому не может быть связано ни с какой идеологией.

Император Юлиан Отступник свидетельствует о том, что в его время (в IV веке) в раздаче материальной помощи христиане не делали никакого различия между язычниками и христианами. На всех распространялась одна и та же любовь.

И это явно основывается на Евангелии о Страшном суде, в котором сказано, что Господь будет судить всех людей и назовет тех, кто накормил бедных и нуждающихся "благословенные Отца Моего" (Мф. 25: 34). Мы, таким образом, призваны воплощать в жизни евангельскую любовь ко всем (см.: Гал. 6: 10). Та же мысль есть и в 1-м послании к фессалоникийцам: "Всегда ищите добра и друг другу и всем" (Фес. 5: 15). Учение Библии противостоит унижению бедности и нужды.

Дух мира и справедливости, не связанный явным образом с Евангелием

Начиная с XIX века, люди были увлечены социальной проблематикой. Но социальная проблематика у нас связана с пастырским служением, то есть с любовью. Вот почему невозможно сформировать свободное общество исключительно реформами социальных и политических структур... Если даже установить некое понятие свободы, общее для нас и для неверующих, ради сотрудничества в социальной сфере, с нашей точки зрения, в любом случае именно Дух Господень - творец свободы.

Верно, что мы все стремимся к единству рода человеческого. Но путь к этому единству состоит не только в объединении более или менее близких народов. И если речь идет о том, что объединение достигается революцией, Н.А. Бердяев напоминает нам о том, что всякая революция отвратительна[3]. Но даже при мирных преобразованиях единство остается весьма хрупким без подчинения Господу или хотя бы христианским ценностям. Единство же в какой-либо религиозной среде, чтобы стать истинным, должно стремиться быть межличностным единством, инспирированным духовными идеалами, без фанатизма, без стадного чувства, без агрессивности.

Церковь любит мир, оставаясь во всем свободной

Это следует из того факта, что Церковь действует не только в стенах храма, ведь между алтарем и космосом нет никакой разделяющей их преграды. Евхаристия пребывает знаком времени, подготавливающим Второе пришествие, действующим также и вне храма. Вспомним анафору, в которой, обращаясь к Богу, мы говорим: "Тебе поклонятся на всяком месте владычества Твоего". Итак, свет Господень рассеян в творческих способностях нехристиан, во всех областях мысли и искусства и везде, где проповедуется справедливость.

Именно в Церкви мы обретаем смысл вещей и всевозможных трансформаций, реальных и прекрасных, которые осуществляются человечеством. Церковь любит мир, оставаясь совершенно свободной по отношению ко всем. Она способна существовать в любой культуре, восприняв ее внутреннюю глубину, но остается свободной по отношению ко всякому человеческому творению. Церковь свободна даже по отношению к собственной социальной действительности, свободна по отношению к народам, ее образующим, так же, как и по отношению к их культурным структурам. Эта свобода и делает Церковь "царственным священством, народом святым" (1 Пет. 2: 9), образом Пресвятой Троицы.

Крестить все народы, не принуждая их при этом изучать древнегреческий

Вы лучше меня знаете о внутренней связи между эллинизмом и христианской мыслью. Но эллинизм, несмотря на его величие и дивность, есть творение человека. Евангелие и отцы - произведение Духа Святого. Платон во многих отношениях, быть может, приблизился к порогу откровения, но нужно различать притвор, которого он смог достичь, от порога храма и, главное, от порога алтаря. Ведь мы призваны "крестить все народы" (Мф. 28: 19) и в том числе эллинизм. Нам следует крестить все народы, не принуждая их, однако, изучать древнегреческий язык.

Арабоязычные христиане: "исламскость" культуры и христианская вера

Христиане-эллины унаследовали греческую культуру. Я возьму другой пример - арабов-христиан, среди которых был распространен арабский язык еще до прихода на их земли ислама. Они не присоединились к предложенному им исламу. Они ощущают себя в "арабскости" как в культуре, то есть в ее литературных и художественных аспектах, а также в социально-общественной жизни. Арабский язык воспринял ислам как источник вдохновения в человеческом творчестве, и никто не смог бы в совершенстве овладеть этим языком, не будучи хорошо знакомым с Кораном. Но как на Западе можно быть агностиком, воспитанным в христианской культуре, так можно быть образованным арабом-христианином, который прекрасно знает Коран, не веруя, однако, в его божественное происхождение и считая канон Нового Завета завершающимся книгой Откровения.

То обстоятельство, что христиане чужды исламу в догматическом смысле, не мешает их присутствию во всех областях арабо-мусульманской культуры и порой их творчеству в том или ином культурном пространстве, особенно в поэзии. Я приведу вам пример такого взаимного влияния исламской культуры и христианской веры: крупный архитектор моей епархии построил в Саудовской Аравии мечети, которые считаются одними из самых красивых в этой стране.

Параллельно со встречей Церкви и культуры в некоторых автокефальных Церквях, а именно в тех, которые пострадали от османского ига, должно происходить серьезное сближение в отношениях между видными представителями мирян и епископатом. Я думаю, что, создавая христианские маджлис миллеты ("советы общины") во второй половине XIX века, Османская империя хотела показать западным державам, что Танзимат (реформы той эпохи), установив светскую правовую систему, повлек бы за собой некоторое увеличение автономии православных мирян по отношению к патриарху и епископам, а также ослабление положения клириков в Церкви, в то время как миряне могли и не быть серьезно укоренены во внутрицерковной жизни, в понимании ее как литургии. Таким образом, рядом со святой Церковью зародилось что-то вроде православного общества, которое при необходимости может стать вконец секуляризованным, сохраняя свое Православие лишь в качестве ярлыка.

Соборность: истинное сотрудничество между клиром и мирянами

На Московском Соборе 1917 года многие настаивали на значимости мирян внутри понятия соборности, богословского понятия, которым было насыщено русское богословие вслед за трудами Алексея Хомякова. Но на практике речь шла в основном о сотрудничестве мирян и клириков в выборах патриарха и епископов.

Впрочем, в данном варианте развития событий нет общества, целиком или частично секуляризованного, как в случае стран, подпавших под османское господство. Мне, тем не менее, кажется, что следует освободить Церковь от дихотомии между клириками и мирянами. Символически это реализуется в хиротонии. Но существует ли каноническая возможность истинного сотрудничества между этими двумя группами, при котором ни одна не была бы подавлена или игнорирована? Я не знаю. А этот вопрос сохраняет особое значение в современном Православии.

Ключ к обновлению: освободить Церковь от некоторых номинальных христиан

На сегодняшний день существуют в различных формах и православное христианство социологического порядка, и Православие веры и молитвы - Православие евхаристическое, а следовательно, эсхатологическое. Участвовать в таинствах, не заботясь о том, какой смысл они несут в себе, значит принимать их "недостойно", как говорит об этом апостол в 1-м послании к коринфянам (см.: 1 Кор. 11: 27). Увы, Православная Церковь не практикует более отлучение от Причастия, и плевелы и пшеница остаются на одном поле до судебного дня.

А ведь избавление Церкви от некоторых христиан составляет важнейшую часть канонического права, из которой церковные власти сделали нечто уже устаревшее. Очевидно, что мы будем судимы по делам нашей любви. И если разделение происходит с любовью, то последняя ведет к восстановлению братства Христова между номинальными православными и теми, кто восприимчив к пониманию таинства.

Дух Святой придает силы "малому остатку", и тот превращает состояние социума в Неопалимую купину

Таким образом, освобождение Церкви изнутри остается ключом к ее обновлению. Как "евхаристизировать" эту форму социологического сообщества, освободив ее от всякой службы национализму, культуре, времени, учитывая тот факт, что, несмотря на наши исторические связи и даже в них, мы несем в себе Церковь? Святость, даже помещенная в историю человечества, обязана своим существованием и силой своего апостольства только Богу.

История Церкви на всех своих этапах знавала упадок. Вот почему, когда находится посреди этого хаотического разнообразия "малый остаток", Дух Святой хранит его, придает ему силы, просвещает его, чтобы он показал народу Божию пыл, порыв, на который тот способен, который превратит состояние социума в Неопалимую купину.

Окончательное освобождение - освобождение всего космоса целиком. Это изменение космоса названо святым Симеоном Новым Богословом "новым рождением". Очевидно, речь идет о том, что "наши тела и творение в целом - все составляющие его элементы - будут причастны вместе с нами сиянию запредельности". И, поскольку мир станет духовным, как считает святой Симеон, он будет абсолютно непостижимым и не поддающимся никаким нашим определениям.

Вопрос частной собственности: то, что вы приобретаете, обладает вами; то, что вы отдаете, освобождает вас

В ожидании второго пришествия Христова вся человеческая жизнь связана с принятием пищи, с одеждой, жильем и, следовательно, с деньгами. Кому принадлежат все эти вещи? В Писании говорится: "Господня земля и что наполняет ее" (Пс. 23: 1). Таким образом, встает вопрос о частной собственности. Римо-католические мыслители считают собственность социальной функцией. Такая трактовка предполагает понятие об общем имуществе. На Востоке крупнейшим комментатором вопросов собственности был святитель Василий, которому последовали святитель Иоанн Златоуст, блаженный Августин и некоторые другие отцы. Вопреки нескольким исследованиям, предпринятым на Западе с целью сделать святителя Василия толкователем понятия собственности как социальной функции, имеет место следующее его высказывание: "Скажи же мне, что у тебя собственного? Откуда ты взял и принес с собою в жизни?". И он продолжает: "Как же ты не хищник, когда обращаешь в собственность, что получил только в распоряжение? Кто обнажает одетого, того назовут грабителем; а кто не одевает нагого, хотя может это сделать, тот достоин ли другого какого названия? Алчущему принадлежит хлеб, который ты у себя удерживаешь; обнаженному одежда, которую хранишь в своих кладовых"[4].

Можно привести много отрывков из творений святителя Василия в том же духе. Тот, который я только что процитировал, означает, что вся наша собственность принадлежит только Богу, и в руках человеческих она понимается только как нечто, просто данное в управление.

Каков бы ни был источник денег, проходящих через ваши руки (наследство, промышленное производство или что-то другое), вы всего лишь управляете этими деньгами. В Писании говорится, что, прежде всего, вы должны заботиться о своих ближних, но, конечно, именно в смысле разумного управления средствами. Кроме ближних у нас есть и все человечество, которое составляет единую семью пред лицом Отца Небесного. В Новом Завете нет более обязанности уплачивать десятину, так как любовь не имеет пределов и не подчиняется математическому порядку вещей. То, что вы берете, обладает вами. То, что вы отдаете, вас освобождает. Псалмопевец выразил это такими словами: "Он расточил, раздал нищим; правда его пребывает во веки" (Пс. 111: 9).

Политическая власть: Христос ставит Бога выше кесаря. Ни одно из государств не является благотворительным обществом

Что насчет освобождения в политическом смысле? Это крайне сложный вопрос, тем более что в политике честная работа с людьми, порядочность в политической борьбе встречаются, кажется, исключительно редко. Кругом цепляются за власть, рвутся к славе любой ценой. Я не знаю, кто среди людей, наделенных властью, или тех, кто к власти стремится, уступил бы место Богу. Человек, вовлеченный в политическую борьбу, может быть убежденным христианином, имеющим определенную общественно-политическую позицию, но сколь часто он принадлежит двум пространствам, духовному и мирскому, без малейшей связи между ними. Когда же Господь говорит: "Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу" (Мф. 22: 21), он не разделяет эти две области. Он ставит Бога выше кесаря.

Ни одно из государств не является благотворительным обществом. Великие державы одобряют вмешательство в дела той или иной части мира из соображений их собственных интересов. Власть пребывает, даже более, чем деньги, объектом великого вождения. С другой стороны, многие государства нам знакомы как государства полицейские, а значит, виновники насилия. Кто сможет избавить их от насилия и позволить жить людям в свободе?

Война: высшая степень проявления насилия

Сферой насилия в полном смысле этого слова является война. Эпоха, в которую мы живем, ознаменована военными конфликтами на многих континентах. И эту жизнь в состоянии войны весьма точно описал генерал Карл фон Клаузевиц, умерший в 1831 году. По его мнению, настоятельно необходимо достигать в военных действиях наивысшей степени напряжения сил из опасения, что это сделает противник. Следуя данной логике, две армии "должны непрерывно друг друга уничтожать, подобно тому, как вода и огонь никогда не могут оказаться в положении равновесия".

Война имеет целью победу, какова бы ни была степень ущерба, нанесенного противнику. Согласно знаменитому высказыванию Клаузевица, "война есть продолжение мира иными средствами"[5]. Так человечество делится на покорителей и покоренных. Между началом военных действий и миром великие и малые уже суть трупы, духовно или физически. Рабство, практикуемое сильными мира сего, укоренено в области тщеславия и честолюбия.

Независимость не обязательно означает свободу

Что касается мелких государств, добившихся независимости, они должны бы понять, что она совершенно необязательно означает свободу. Можно господствовать над слабыми с помощью экономики. И до сего времени все, что они получают от развитых стран, - это не более чем крошки со стола. Те, кто были униженными и угнетенными, останутся навсегда

зависимыми в той или иной форме, поскольку доступ к высоким технологиям для них закрыт.

А право вето Совета Безопасности ООН направлено на то, чтобы сохранить "трудных детей" тихими и послушными. Всякая технология связана с алчностью власти. Всем известно, что мы не имеем права на свободу перед лицом великих держав. Где же между великими и малыми дележ, который символизирует Евхаристия?

Основание для геноцида

Я знаю, что, несмотря на память о Евхаристии, сильные мира сего равнодушны к участи или устойчивому существованию слабых. А ведь грех и есть, по сути дела, бесчувственность. Сильные не признают, что слабые созданы по образу и подобию Божию; доказательством этого служит тот факт, что некоторые из испанских правителей, которые управляли Латинской Америкой, задавались вопросом, есть ли у индейцев душа. Потребовалось, чтобы им об этом напоминали священники.

Та же логика имеет место, когда один народ хочет устроить геноцид другого народа. Основанием для геноцида неизбежно становится отождествление себя с целым миром. Другие - при осуществлении насилия - ноль, ничтожества. Это жажда крови делает ближнего несуществующим.

Структуры насилия внутри страны: власть, которая обесчеловечивает граждан

В греческой патристике мы не находим никакого оправдания войне, поскольку война - это смерть. Вероятно, можно допустить понятие оборонительной войны. Но эту тему я развивать не буду. Понятно, что все хотят жить в свободе и защищать своих сограждан.

На самом деле, кроме внешнего врага есть тиранические, разрушительные сообщества. Внутри государства могут существовать структуры насилия. Необходимо протестовать против власти, которая обесчеловечивает граждан. Но я не нахожу ничего в нашем вероучении, что оправдало бы кровопролитие.

Вполне понятно мирное возмущение против внутригосударственных притеснений. Здесь, где все шатко и ненадежно, нужно искать наиболее человечные способы освобождения. Нужно попробовать преобразить нацию в общину причастников. Мирная победа над угнетателями может стать основой свидетельства, которое принесет огонь Духа в царство смерти.

Церковь - град Божий и в то же время земной

В ожидании небесного Иерусалима, где наше единение станет совершенным в полноте ясности, в мирное время мы живем здесь в граде Божием и в то же время земном - в Церкви; при этом и здесь и там мы - реальные личности, объединенные, но не слившиеся в образ единого тела, формирующегося начиная с Главы - Христа. Греческий полис формировался из свободных людей, объединенных властью, опиравшейся на правосудие, которое, в свою очередь, основывалось на власти, подчинявшейся λόγος (логосу, упорядоченной мысли). Ибо все, что не λογικός (то есть не соответствует этой мысли), есть хаос и, следовательно, не может скреплять единство.

Апостол Павел не различает обращенных греков и варваров, поскольку, будучи верны своим собственным социальным институтам, они подчинялись исключительно власти полиса. Они жили в греко-римском городе, следуя его законам, одинаковым для всех. Они отличались лишь чистотой своей жизни, как будет сказано позже в "Послании к Диогнету".

На самом же деле они образовывали невидимое собрание - евхаристическое. Были едины в глубинном смысле. Они отличались также от платоновского Города тем, что, хотя

заботились о силе и значимости, как делают это свободные люди, стремящиеся к власти, они, однако, действовали как люди слабые, рабы (мужчины или женщины), но внутренне укрепленные явлением Человека, даровавшего им спасение Своей немощью и победу Своей пролитой кровью.

Предвкушение Царства в воскресном собрании

Они черпали свою мощь - а не власть - в собраниях в первый день недели, преобразуясь в Его тело и в Его кровь, через которые они становились одним целым, освобождаясь от своих грехов и страстей. Бог, а не понятие силы с точки зрения Города, делал их новым градом внутри полиса. Они старались организовать не по образцу Афин, Спарты или земного Иерусалима, но по образцу будущего града, в котором уже властвует Тот, Кто умер на Кресте и Кто носил следы язв на Своем воскресшем теле, чтобы слава была явлена и сообщалась через страдания нашей жизни.

Слабые, бедные, обездоленные, неграмотные окружают эту чашу с кровью Бога, Который делает их всех сильными и свидетельствующими пред лицом богатства и власти мира сего, спешащими навстречу грядущему Господу. Если "Маранафа" (1 Кор. 16: 22) читать не как слова о событии, которое случилось на Голгофе, а как призыв Того, Кто должен прийти, мы утверждаем, что мы составим Небесный Иерусалим и грядущее Царство, но познав уже предвкушение этого Царства в воскресном собрании.

Подготавливать Царство следует уже сейчас, но второе пришествие пребывает абсолютной тайной

Есть ли связь между социополитическим и культурным освобождением и пришествием Царства? Отец Сергей Булгаков считал, что эсхатологическое свершение готовится историей. "Эсхатология, - писал он, - предполагает нарушение непрерывности; в этом состоит идея конца мира". Он думал также, что мир должен созреть для своего конца. Дело Христово продолжает совершаться в мире... Невозможно, считал он, сосредотачиваться "по отдельности на различных моментах трагедии Христа, на всеобщих дестабилизации и развращенности"[6]. Личное спасение вписывается в общее дело человечества - установление Царства Христова в мире. Второе пришествие становится теандрическим (богочеловеческим) деянием.

Безусловно, нужно готовить Царство уже сейчас общиной причастников в таинстве, которое мы переживаем вне времени, хотя ничто в Писании не указывает на то, что окончательная свобода, которую дарует Господь человеку по Своем пришествии, - результат совместного труда человека и Пресвятой Троицы.

Второе пришествие пребывает абсолютной тайной, хотя и нужно действовать таким образом, чтобы употреблять все свои силы, стараясь видеть замысел Божий и расшифровывать знамения времени. Один Господь, являясь в Своей силе и в Своей любви, готовит человека к принятию благодати.

Итак, это не означает, что можно ожидать Господа без употребления усилий, предавшись полной расслабленности. Проявляя творческую энергию, можно видеть Бога, если эта энергия происходит из чистоты сердца. Богом даруется мистический брак в подготовке сердца человечества, которое страдает и которое трудится.

Разрыв между Церковью-организацией и культурой

Все-таки при всей неизмеримой важности литургии и при всем непреодолимом влечении, которое чувствует к ней человеческое сердце, истинно усваивающее ее, катастрофой нашей исторической действительности практически во всех наших странах, невзирая на разнообразие политических ситуаций, является то, что мы обособляемся от мира культуры. Я знавал священников, получивших образование в духовных академиях старой России,

которые не прочли за свою жизнь ни одной страницы из Достоевского, как если бы культура принадлежала исключительно миру или находилась бы только в его ведении. Так некоторые образованные люди в наших странах никогда и не думали, что наше богослужение может быть увлекательнейшим источником интеллектуального развития. Происходит как бы разрыв между Церковью как организацией и человеческим разумом, укорененным во всей живой литературе эпохи.

Вместе с тем, я убежден, что антиклерикалы или крайне обмирщенные люди старательно добиваются этого радикального отделения культуры от слова Божия. А оно есть Дух, Который действует там, где хочет. Вот почему значительное число священнослужителей действуют против укрепления веры тем, что они не видят ее следов в историческом пути наших народов или не пытаются открыть Православие всему тому вдохновению, которое содержится в мире культуры.

Поскольку мир расценивает некоторые формы церковной жизни как устаревшие, вплоть до того, что отстраняет от нашего наследия современную восприимчивость, происходит разрушение общности между нами и миром. Сейчас было бы не к месту предлагать те или иные реформы. Вопрос, как отделить то, что должно исчезнуть, от того, что необходимо сохранить, представляется мне очень сложным...

Закоснела ли наша Церковь?

Хорошо известно, что Запад и в особенности те на Западе, кто не знаком с духовной глубиной нашей Церкви, обвиняют нас в том, что она закоснела. Вероятно, суть этих рассуждений - заявить о том, что мы не придаем важного значения истории и культуре. Я знаю, что наша преданность традиции мешает им видеть нашу духовную действительность.

Следует все же поверить в некоторую искренность тех, кто плохо нас знает. Это правда, что мы не очень чувствительны к тому, что происходит в секулярном мире. То, что названо закоснелостью, связано не только с тем обстоятельством, что мы являемся духовным востоком Церкви Христовой, но и с тем, что мы были жертвами пленения на Востоке историческом, миновав эпохи Возрождения и Просвещения, то есть не пройдя через некоторую позитивную рациональность.

Очевидным доказательством действия Духа является то, что, невзирая на веками сохранявшееся бескультурье большей части духовенства, мы остались живой Церковью, разве что частично парализованной в том, что касается свидетельства перед миром. Мы сохранили "свободу детей Божиих" (Рим. 8: 21).

Сегодня можно говорить о несравнимой динамике, которая оживляет всю Церковь

Однако когда я оцениваю недостаточность уровня нашей культуры на Ближнем Востоке, я убежден что мы были напрямую руководимы Пресвятой Троицей вплоть до того дня, когда тот же Дух вдохновил молодежь Антиохийской Церкви и привнес туда несравнимую динамику. Любовь Христова, любовь к Церкви и к отечеству, внутренний огонь, возрождение глубокой православной мысли вернули нам свободу - свободу, основанную на верности, противостоящую всякому религиозному фанатизму и движимую исключительной преданностью Православию.

Даже если мы не осуществили все наши мечты, мы остаемся в творческом уповании, и все вокруг не только поняли, что мы не были закосневшими, но и воспламенились любовью. Все, что было живого к этому моменту в различных Церквях нашего региона, было затронуто жизненным порывом, который продолжает нас воспалять. Свобода перед лицом вырождения стала видимой, действенной. Я констатирую тот факт, что во всех Православных Церквях огненные языки почилы на живых свидетелях, которые сформировали группы, привносящие жизнь во всю Церковь целиком.

Евангелие, Евхаристия и свобода имеют одно средоточие - Господа славы

Благодать, дарованная Движению православной молодежи в Антиохийской Церкви, открыла ей Евангелие как жизнь, как источник и как свет. И сейчас мы остаемся жаждущими этой живительной силы, освещающей путь и сияющей день ото дня все больше. Это свобода во всей ее полноте и путь к Самому Господу. Она привела нас к Евхаристии как к встрече с Господом в собрании, направляющемся ко второму пришествию в поисках Лица Отца. И эти представления возникли не из личного усердия, а из Причащения в любви.

Принятие евангельской любви ведет нас к бедным, больным и обездоленным. Сначала мы просто думали о Евангелии и о Евхаристии. И несколько лет спустя мы наконец открыли для себя страдальцев, которые тоже составляют тело Христово. Исходя из духовного опыта, мы осознали их единство все в том же Христе и почувствовали себя свободными, но и связанными с бедными и угнетенными странами на Востоке, вечно порабощенном чужеземцами и своими собственными эпидемическими духовными болезнями.

Кем мы были? Что мы могли? Мы кинулись в веру в Христа, Которого воспринимали как существование во всей полноте, как Освободителя, у Которого было все, чтобы вдохнуть в нас жизнь. Евхаристия и свобода имеют одно средоточие - Господа славы.

Перевела с французского Марина Костина, [Православие.ру](http://pravoslavie.ru)

[1] См.: Иоанн Златоуст, святитель. Беседы на 2-е послание к коринфянам, 20.

[2] См.: Там же.

[3] См.: Бердяев Н.А. Размышления о русской революции.

[4] См.: Бердяев Н.А. Размышления о русской революции.

[5] Здесь автор употребляет неточную цитату (правильно: "Война есть продолжение политики иными средствами"), однако кажется, что слово "мир" используется намеренно. - Прим. Пер.

[6] См.: Булгаков Сергей, протоиерей. Агнец Божий.

Митрополит Гор Ливанских Георгий (Ходр)

[George \(Khodr\), métropolitaine. Eucharistie et libération // Service Orthodoxe de Presse](http://www.orthodoxpress.org/George%20(Khodr),%20m%C3%A9tropolitaine.%20Eucharistie%20et%20lib%C3%A9ration%20//%20Service%20Orthodoxe%20de%20Presse)

<http://kiev-orthodox.org/site/worship/1943/>